

УДК 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.09

СИСТЕМНЫЕ ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РАННИХ ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье показано, что этико-психологические представления Платона, внесшего существенный вклад в становление психологической мысли, прошедшей длительный путь своего развития, ориентированы на поиск упорядоченности и обоснованности человеческих отношений. Философскую позицию раннего Платона обозначают в науке как сократический интеллектуализм. Мыслителем утверждается диалектика как искусство управления человеческим познанием и обществом. Отмечается необходимость в проверке возможностей, которыми обладает человек для самостоятельного поиска истины. Ставится вопрос о целомудрии как о благе и возможности его достижения, что происходит на фоне исторических изменений, когда обществу становится интересен каждый индивид. Платоновские этико-психологические представления упорядочиваются социальными законами, становятся системными и позволяют объяснять качества конкретного человека. Благодаря правильному воспитанию человек, обладающий определенными внутренними качествами, способен к достижению гармонии прекрасного и доброго.

Ключевые слова: Платон; Сократ; система; этико-психологические представления; сократический интеллектуализм; калокагатия; майевтика; диалектика; знание; душа; благо; целомудрие.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системные этико-психологические представления в ранних диалогах Платона // Системная психология и социология. 2022. № 2 (42). С. 95–104. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.09

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

UDC 159.9

DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.09

SYSTEMIC ETHICAL AND PSYCHOLOGICAL CONCEPTS IN PLATO'S EARLY DIALOGUES

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article shows that the ethical and psychological ideas of Plato, who made a significant contribution to the formation of psychological thought, which has passed a long way of its development, are focused on the search for order and validity of human relations. The philosophical position presented in the “early” Plato is referred to in science as “Socratic intellectualism”. The thinker asserts dialectics as the art of managing human cognition and society. It is noted that there is a need to check the possibilities that a person has for an independent search for truth. The question about chastity as a good thing and the possibility of achieving it, which

happens against the background of historical changes when society becomes interested in each individual is raised. Plato's ethical and psychological concepts are ordered by social laws, become systemic and allow to explain the qualities of a particular person. A person with certain inner qualities is capable of achieving harmony of the beautiful and the good, thanks to proper upbringing.

Keywords: Plato; Socrates; system; ethical and psychological ideas; Socratic intellectualism; kalokagathia; maieutics; dialectics; knowledge; soul; good; chastity.

For citation: Ivanov D. V. Systemic ethical and psychological concepts in Plato's early dialogues // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 2 (42). P. 95–104. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.09

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

Человеческие отношения нуждаются в определенной упорядоченности и нравственной обоснованности. История становления и развития психологической мысли предоставляет разнообразные варианты решения этой задачи. Античный мир оставил в наследие разработанную систему соотношения — гармонии прекрасного и доброго, — на основании которой сложились этико-психологические представления одного из величайших мировых философов и писателей — Платона [17: с. 42], нашедшего способ определять потенциальную готовность человека к обнаружению у себя этой гармонии.

В настоящее время гармония должна являться важным принципом образования человека, соотношением телесного и духовного, внешнего и внутреннего, возможного и достижимого. Она станет «синтезом разнодисциплинарных знаний о человеке» [16: с. 72], системным основанием представлений о перспективах развития наук о нем и предметом системного изучения.

Характерные особенности исторического времени

Историческое время, которое еще застал на самом его излете и о котором много слышал один из известнейших философов Древней Греции — Платон (428–348 гг. до н. э.), —

было удивительным по смене событий и их участников. Эллада, как ее называли греки, была сотрясаема в V в. до н. э. происходящими здесь войнами, а также конфликтами между городами-полисами. Афины и Спарта одолели Ахеменидскую империю, имевшую намерение поработить Элладу. Победы при Марафоне (490 г. до н. э.) и острове Саламине (480 г. до н. э.), развитие флота и желание осваивать новые заморские земли, умение привлекать союзников, позволили Афинам, рабовладельческому центру, стать крупнейшим полисом с притекающими сюда богатствами. «Жизнь, культура, образование греков стали в основном гражданскими» [8: с. 62]. Здесь, как и в ряде других, близких по местоположению и по духу Афинам полисов, расцветают ремесла, растет товарное производство, развивается торговля (и работорговля). В сельском хозяйстве, помимо зерновых культур, выращивают оливки и осваивают виноградарство. Развиваются товарно-денежные отношения (кредиты, ростовщичество, валютные операции), все больше привлекавшие на городские рынки крестьян. Афины строят морские порты. Так, афинская гавань Пирей становится практически крупнейшим в античном мире торговым центром [3: с. 40–41; 44–45]. Афины умеют перераспределять поступающие ценности и товары и перепродавать их.

На фоне военных и политических успехов Афины создают морской союз, привлекая в него другие греческие полисы. Общая казна союза, которой распоряжались Афины, способствовала и успешной социальной,

культурной политике. Так, известно, что в 40–30-х гг. V в. до н. э. Афины строились на средства из этой казны [3: с. 50]. Здесь появляются Парфенон, мраморные Пропилеи, храм богини Ники Бескрылой (Никэ Аптерос) и др. Привлекались талантливые архитекторы (Иктин, Калликрат и др.), музыканты, художники (Полигнот, Апполодор, Агатарх и др.). Это время скульпторов Фидия («Афина Парфенос», статуя Зевса в Олимпии, «Афина Промехос»), Мирона («Дискобол»), Поликлета («Дорифор»). На подмостках театра с успехом идут пьесы Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, в творчестве которых нашли свое отражение философские и этико-психологические идеи, значимые для авторов.

Это было время развития риторики (ораторского искусства) и эристики (искусства спора). Особо проявили себя софисты — учителя мудрости — Горгий, Протагор, их ученики со своими разговорами о Космосе, умственными задачами — апориями, выступлениями и речами, что выглядит как своего рода прообраз практико-ориентированной психологии сегодняшнего дня.

Протагор, чье творчество дошло до наших дней в основном в пересказах и воспоминаниях его современников и слушателей, определил мир, окружающий человека, как сугубо человеческий, указав, что в нем человек является основной мерой, ввел «человеческое измерение» [10: с. 258]. Однако более важным в конкретике исторического времени явилось то, что здесь значимой «стороной наступающего пробуждения мысли стал поиск ответов на вопрос о происхождении и содержании душевной жизни» [17: с. 31].

Историки психологии, рассматривая фрагментарно сохранившееся творческое наследие прошлого, придерживаются мысли о том, что к началу V в. до н. э. в Греции распространяется воззрение на природу душевных явлений, «причудливо сочетающее мистику с рациональностью» [13: с. 57–61; 14: с. 52–56; 17: с. 31]. Происходит постепенное осмысление роли сохранившихся с архаичных времен мистерий, а религиозные представления о душе, после их рефлексивной обработки, становятся философскими понятиями [18: с. 10; 20: с. 40–41]. Накопленное теоретическое

знание стало значительно опережать эмпирическое, и разговоры со ссылкой на априорно существующее в душе, следующими из этого умозаключениями были повсеместными.

Философы также ставят вопросы о строем материи, пытаются найти системообразующие элементы и дать им определение. Так, Эмпедокл видел первоосновой всего материальные элементы (земля, вода, воздух, огонь). Ему принадлежит учение об основах чувственных процессов и космической цикличности [17: с. 31]. Левкипп и Демокрит с их учением об атомах доказывали, что весь мир состоит из них, но были уверены, что все происходящее совершается неслучайно, что заставляло человека сомневаться в самостоятельности и свободе собственных поступков. Однако это было время одной из центральных фигур греческой философии V в. до н. э. — Анаксагора, распространившего свою систему взглядов, когда Афинами управлял его ученик Перикл [15: с. 212]. Биографы отмечают, что на когда-то заданный Анаксагору вопрос, зачем тот появился на свет, он ответил: «Для наблюдения солнца, луны и неба» [6: с. 106]. Физические воззрения Анаксагора были близки ранней атомистике (учение о «семенах всех вещей», под которыми понимались однородные частицы, соединяющиеся друг с другом), он стремился выяснить происхождение и сущность этого мира, а также составляющих его явлений и вещей. В психологических воззрениях он исходил из того, что способность воспринимать ощущения во многом зависит от обустройства и состава органов чувств человека. Говорил он также о ненадежности и обманчивости человеческих чувств. Исследователи не находят упоминания во фрагментах его сочинений и воспоминаниях современников рассуждений о душе, что говорит о приоритете для мыслителя фактов и опирающихся на них научных построениях [15: с. 199–200]. Не отказывал философ человеку в способности мыслить. Анаксагор трактует в своей философской системе понятие «нус» (от др.-греч. νοῦς — «мысль», «разум», «ум»), используемое затем и в дальнейшем развитии философско-психологической мысли. И у него функции нуса шире, чем сама возможность для человека мыслить.

У Анаксагора нус — это первичный толчок и принцип космообразования [15: с. 212–213], все обосновывающее понятие. Анаксагор привносит принцип упорядоченности в объяснение психического, поскольку был уверен, что чем совершеннее организация тела, тем в большей мере здесь представлен ум [13: с. 59; 22: с. 43].

Натурфилософские идеи, так или иначе составлявшие систему взглядов, объяснявших мир, его закономерности, еще необходимы полису, однако с прибавлением жителей в городе и его окрестностях фокус исследовательских интересов начинает смещаться в сферу организации их совместной жизни, в область этико-психологических понятий.

Кроме философских основ в период расцвета Афин создаются научные труды в области математики (Пифагор, Анаксагор, Демокрит), медицины (Гиппократ), астрономии (Пифагор, Эвдокс, Гераклид Понтийский, Метон), языка, теории музыки, истории (Геродот, Фукидид) [3: с. 82–84, 90]. Предлагаются социальные проекты. Идеи о них не случайны: военные конфликты, восстания рабов и волнения граждан, а также возмущение других слоев населения (вольноотпущенников, переселенцев, бедноты) приводили в движение общественную мысль того времени.

Своеобразным социальным проектом для греков были игры спортивного характера. Основанием к их появлению часто видят страсть греков к соперничеству и первенству, потребность «устраивать всевозможные публичные состязания и чествовать их победителей» [1: с. 19]. Однако важной являлась глорическая мотивация, само желание переживать чувство победы, быть сопричастным Божественному выбору или быть рядом с этим выбором, или иметь возможность прикоснуться к нему. Соревновательных игр в Древней Греции было большое разнообразие (Олимпийские, Пифийские, Истмийские, Немейские, Панафинейские [1: с. 25–26]), и каждый свободный гражданин мог или стремился стать их участником. Возможности для участия в состязаниях повышались в связи с привлечением к ним разновозрастных групп, и такой «социальный проект» уже включался в вопросы воспитания каждого нового поколения эллинов.

Все происходившее в тот период времени: обустройство и украшение города, проведение пышных празднеств, выступления красноречивых ораторов, поэтические произведения, затрагивавшие философские и этические проблемы, — «способствовало интеллектуальному, нравственному и эстетическому воспитанию граждан» [4: с. 16].

Золотой век Перикла (443–430 гг. до н. э.) [3: с. 52, 58] показал далекие горизонты благополучия, которое было уже осязаемо, но не достигнуто в полной мере благодаря тому, что Афины с их потребностями и растущими запросами, свободомыслием, также умели терять своих союзников.

За периодом расцвета Афин последовал упадок. Усиление морской державы афинян, экспедиции с целью развития выгодных торговых путей привели к обострению отношений с Пелопонесским союзом, где главенствовала Спарта, куда отправлялись жаловаться недовольные афинские союзники. Кроме того, существовал старый спор об обустройстве греческого мира между Афинами и Спартой, восстановления строя отцов. Разразилась Пелопонесская война (431–404 г. до н. э.), которая привела не только к роспуску Афинского морского союза, но и к ослаблению самой Спарты [3: с. 56–64]. Явственно стал заметен закат Эллады. На фоне этих перемен и событий появляется фигура Сократа, учителя Платона, наставника юношества, яркого и запоминающегося философа, мужественного воина [9: с. 13–16; 21: с. 81–84]. В это время группа молодых философов, «интеллектуалов», следующая за ним, основательно задумывается над рядом этико-психологических проблем, над вопросами добродетельной и целомудренной жизни.

В целом же на фоне характерных исторических особенностей того времени, включая конкретные события и потрясения, усиливавшие те или иные позиции в системных взглядах мыслителей, важным стало то, что развитие самой общественной жизни способствовало усилению этико-психологической рефлексии в философской мысли. В V в. до н. э. наблюдается осмысление сохранившихся с архаичных времен мистерий, тех религиозных представлений о душе, которые

дефинируются философией как значимые понятия для объяснения природы психического. Философы также ставят вопросы о строении материи, пытаются найти системообразующие элементы и дать им понятия. Вводится «человеческое измерение» мира. В объяснение психического привносится принцип упорядоченности, появляется учение об основах чувственных процессов и космической цикличности, но есть и сомнения в самостоятельности и свободе поступков человека. Мыслители, рассуждая об этико-психологических проблемах, возвращаются к идее калокагатии, имевшей свою историю, размышляют об известном, но каждый раз в новых исторических условиях и обстоятельствах; начинают активно говорить не только о физической (*καλός*), но и о нравственной красоте (*ἀγαθός*) человека.

Калокагатия как основание этико-психологических представлений в античном мире

Исследователи предлагают относить идею калокагатии (от др.-греч. *καλός* — «прекрасный» и *ἀγαθός* — «добрый») к пифагорейству, указывая, что еще Пифагор (VI в. до н. э.), умевший все «вычислять», положил в основание своих умозаключений принцип единства теории и практики, видя в философии не только любовь к мудрости, но и образ человеческой жизни. У человека появляется возможность, приобщаясь к мудрости веков, провести проверку собственной жизни, своей нравственной чистоты и испытать себя молчанием [5: с. 12].

Платоновское наследие позволяет выявить «старинно-аристократический» и «интеллигентски-софистический» [5: с. 13] типы калокагатии. Потомки старинных и знатных родов, как правило, априори признавались прекрасными и добрыми [12: с. 301], однако позже и тот, кто был правильно воспитан, мог причислять себя к этому кругу. Обнаруживающий все признаки калокагатии сочетал гармонию души и красоту тела, поскольку получил и мусическое, и гимнастическое воспитание [11: с. 155, 189 и др.]. Платон относил идею совершенства

и к человеческой душе, и к его телу, но упор все же делал на духовном начале, которое в человеке должно возобладать по мере роста души [7: с. 15]. Историки, рассматривавшие древнегреческое образование, обращают внимание на то, что «идеал высоко развитого ума в великолепно развитом теле» [8: с. 71] как собирательный образ в целом присущ наследию Античной Греции [4: с. 17–23].

В различные времена в воспитании человека акцентировалось внимание либо на прекрасном, либо на добром. Часто это зависело от социально-политического и экономического состояния государства: нужен был либо «мудрый атлет», либо «атлетичный мудрец». А в целом цивилизация совершала путь от культуры воинов к культуре писцов. Сам идеал в результате нашел свое воплощение в эфебии (от др.-греч. *ἔφηβος* — «юноша») — системе гражданского воспитания воина-гражданина [8: с. 150–153]. Эфебы — надежда граждан Афин на будущее свое в них продолжение. Вся дальнейшая жизнь эфебов «освящена славой и памятью их отроческих успехов, их юной красотой» [8: с. 72]. Эфебам необходимы наставники — мыслители, — имеющие возможность воплотить результаты коллективной рефлексии в жизнь.

В целом можно отметить, что человек, обнаруживающий признаки калокагатии должен был являть собой, согласно общественному мнению, сочетание гармонии души и красоты тела. Достижением мысли стало осознание самой возможности создать гармонию души и тела благодаря воспитанию и усилиям воспитателей, направляющих этот процесс.

Сократ как проводник этико-психологических представлений в ранних диалогах Платона

Имя Сократа (около 469–399 гг. до н. э.) было и будет известно, поскольку остаются значимыми сочинения его ученика — Платона, в которых он и представлен в проявлении своего таланта. Учитель и ученик «растворяются друг в друге» [14: с. 56]. Если начинаешь рассматривать идеи античной психологической мысли или читать Платона,

то предстает исторически первая целостная, глубинная философская система представлений о душе, дошедшая до нас не в воспоминаниях и фрагментах, а в подлиннике [17: с. 40]. Она создавалась постепенно — от ранних платоновских диалогов к работам зрелого мыслителя, — но достаточно часто все главные мысли вкладываются в уста ведущего свои беседы Сократа. Современные зарубежные исследователи, изучая творческое наследие Платона, вводят понятия «платоновская моральная теория», «платоновская моральная психология», «сократовская моральная психология», становящиеся актуальными в мире реальных моральных противоречий [23: р. 193–247; 24: р. 19; 25: р. 90]. Однако применительно к взглядам Платона на «ранней сократической ступени» (А. Ф. Лосев), можно использовать понятие «этико-психологические представления».

Некоторые сведения о жизни реального Сократа предоставляет Диоген Лаэртский, собирая все известные ему данные, но не проверяя их документальность [6: с. 109–118]. К этим же данным, но уже требовательнее подходя к ним, обращаются и современные исследователи творчества Сократа [19: с. 38–71 и др.].

Так, известно, что его личный опыт, известный из детских воспоминаний, и полученные навыки, приводят его к пониманию ценности внешнего, значимости помощи при создании чего-нибудь нового и самостоятельного внутреннего. Сократ, будучи внешне непривлекательным, по воспоминаниям современников, всю жизнь тянется к красивому, стремится наполнить его внутренне добрым содержанием. Он даже обосновывает эту свою мировоззренческую позицию в диалоге «Пир», когда рассказывает о земном Эроте, чья цель — овладеть благом [10: с. 127–143]. Благо для Сократа одно — это знание. Все добродетели обуславливаются именно знанием. Как только человек достигает знания, то он отказывается от зла [2: с. 30].

На заре своего ученичества и личностного становления Сократ слушал Анаксагора, Дамона, Архелая, прошел школу софистов [3: с. 87–88]. Общался со многими известными деятелями культуры и политики, поэтому был силен в риторике, философии, «одинаково

умел как убедить, так и разубедить своего собеседника», «умел извлекать доводы из происходящего» [6: с. 109, 112]. Занимался телесными упражнениями, мог дать совет в палестре по физическому воспитанию будущих эфэбов, выступал в Олимпии [1: с. 55]. Был хорошим воином, участвовавшим в военных походах афинской армии и отличившимся в них, по свидетельству современников, храбростью и доблестью. Из истории известно, что Сократ спас в ходе Пелопонесской войны жизнь Алкивиаду — будущему афинскому стратегу — и Ксенофону — воину и философу [6: с. 110; 19: с. 80–84].

На протяжении всей своей жизни источником истинного знания Сократ называл внутреннее самопознание человека. Сам учитель помогал ученику в этом, выработав систему вопросов, позволяющую диагностировать потенциальные возможности исследуемого им лица и способствующие извлечению скрытой мысли, приводя к значимому умозаключению. Выражая сомнение в собственной компетентности в изучаемом вопросе, выявляя разногласия с собеседником в подходах, Сократ в ходе беседы ищет способ их преодоления, обращается к знакомым для всех фактам, эмпирическому материалу, приходя, в конечном итоге, к определению искомого понятия. Воспитание, по Сократу, это направленное при помощи учителя самопознание, когда душа, являясь руководящим началом в человеке, приводит его к познанию блага (знанию), способствует гармонии внешнего и внутреннего. Сократу для этого необходимы ученики, слушатели, последователи. «Сократ, конечно, набирает себе учеников в гимнасии, но ведь именно затем, чтобы увести их оттуда и усадить за многотрудное изучение математики и диалектики» [8: с. 73].

В диалоге «Хармид» раннего Платона описана ситуация, когда Сократ возвращается после участия в сражении под Потидеей, где он спас одного из своих учеников — Алкивиада, в Афины и приходит в палестру Посейдона Таврия, поскольку беседы с учениками были главным занятием в его жизни. Здесь он попадает в окружение близких и знакомых ему лиц, среди которых один из его последователей — Критий, который решает

воспользоваться ситуацией, чтобы познакомиться с ним своего двоюродного брата Хармида — надежду эфебии, чья жизнь уже «освещена славой и юной красотой», и отдать его ему в ученики. Сразу же обращается внимание на то, что Хармиду присущи признаки калогакагии, причем старинно-аристократической, так как он потомок знатного рода.

Критий сообщает, что Хармид жалуется на головные боли, и предлагает Сократу под предлогом его излечения познакомиться с ним. Сократ выдает себя за лекаря, знающего соответствующий заговор и действия трав. В этом историческом времени лекарь — это тот, кто может правильно подобрать нужные слова, произнести их и оказать этим помощь страждущему. Лечили именно с помощью правильно подобранных в заклинаниях слов, которые оказывают воздействие на психику и помогают справиться с физическими недомоганиями, что служит предысторией медицинской и немедицинской психотерапии. Хармид узнает в лекаре Сократа, но все равно соглашается на его способ лечения — фактически «ради головы усовершенствовать свой разум» [12: с. 301].

Сократ предлагает побеседовать, начинает свою «диагностику» души Хармида. В ходе беседы, как считал мыслитель, раскрывается душа, ее способности, так же как в ходе выполнения физических упражнений — телесные возможности человека. Сократ владеет диалектикой, он исследует противоречия, возникающие при выяснении вопроса о приличествующей Хармиду сдержанной цельности ума в жизни, о его целомудрии. «Мудрость, т. е. добродетель лежит в душе прирожденною в зачаточном состоянии в виде желания и стремления к добру или к полезному вообще» [2: с. 30]. Хармид должен подтвердить, что калогакагия и есть результат его правильного воспитания, что в нем действительно сочетаются внешние, телесные («представился тогда на диво прекрасным и статным» [12: с. 297]), приписываемые ему по праву знатности и внутренние, душевные достоинства («и в этом отношении он в высшей степени достойный человек» [12: с. 298]).

В своих этико-психологических взглядах Сократ выступает рационалистом. Он настаивает в ходе беседы с Хармидом, что необходимо,

прежде всего, лечить душу, «если хочешь, чтобы и голова и все остальное тело хорошо себя чувствовали» [12: с. 300]. В диалоге «Алкивиад I» Сократ упорно настаивает на познании эфебом своей души, которая отражает Божественный образ [12: с. 219–220]. В «Евтидеме» и «Лисиде» он также поднимает вопрос о рассудительности как о благе, продолжая развивать тему целомудрия [12: с. 121–122, 275–276]. Исследователи определяют эту философскую позицию, представленную в раннем Платоне, как сократический интеллектуализм [23: р. 43–49; 24]. Сократ, как и его учитель Анаксагор, уверен, что мир устроен разумом, определен целями, а Промысел руководит судьбой человека. Истина разумна и для любой человеческой души общеобязательна. Душе необходимо помочь «породить», извлечь скрытое в ней знание [2: с. 29–30; 24]. Интеллектуализм является основой теории желания. Желание стремиться к благу становится основанием добродетельного человека. Поэтому неудивительно, что Хармид не может подтвердить присущую ему по праву рождения в знатной семье целомудренность, но обнаруживает это стремление. Диалектика способна убеждать в рациональности стремления [25: р. 90]. Для самого Платона в зрелом творчестве станет очевидным присутствие в природе человека иррациональных желаний. Однако, в «Хармиде» еще присутствует надежда на добровольное и самостоятельное воспитание души, стоит лишь ей помочь. Диалог «Хармид» не заканчивается умозаключением, но главным для Сократа здесь является то, что будущий эфеб готов следовать за ним и не оставит его в покое [12: с. 326].

В диалогах Платона «ранней, сократической ступени» (А. Ф. Лосев) ставится задача, связанная с воспитанием человека, его добродетельности — сдержанной цельности ума — целомудрия. Вопрос о целомудрии как о благе — коренное понятие платоновских этико-психологических представлений. Разработана система, позволяющая реализовывать потенциал диалектики в ходе беседы с человеком. Важным является положение, позволяющее видеть в качестве значимой оценки индивида, претендующего на гармоничное

сочетание красивого и доброго не его семейное происхождение, а обнаруженные им в ходе диалектической беседы внутренние качества.

Заключение

Этико-психологические представления Платона, внесшего существенный вклад в становление психологической мысли, ориентированы на поиск упорядоченности и обоснованности человеческих отношений.

Философскую позицию, представленную в раннем Платоне обозначают в науке как сократический интеллектуализм. Мыслителем утверждается диалектика как искусство управления человеческим познанием и обществом. Отмечается необходимость в проверке возможностей, которыми обладает человек, для самостоятельного поиска истины.

Ставится вопрос о целомудрии как о благе (коренном понятии платоновских этико-психологических представлений) и возможности его достижения, что происходит на фоне исторических изменений, когда обществу становится интересен каждый индивид. Платоновские этико-психологические представления упорядочиваются социальными законами, становятся системными и позволяют объяснять качества конкретного человека.

Человек, обладающий определенными внутренними качествами, способен к достижению гармоничного сочетания прекрасного и доброго благодаря правильному воспитанию.

Психологическая мысль сегодняшнего дня имеет возможность пересмотреть платоновские достижения с целью определения одним из важных принципов образования человека гармоничное соотношение телесного и духовного, внешнего и внутреннего, возможного и достижимого.

Литература

1. Баунов Б. А. Боги стадионов Эллады: монография. М.: Терра-Спорт, 2002. 256 с.
2. Бобров Е. А. Психологические воззрения древних греческих философов (1910). М.: Либроком, 2012. 80 с.
3. Всемирная история: в 10 т. Т. 2: [История первобытного общества и древнего мира до IV–V вв. н. э.] / под ред. С. Л. Утченко и др. М.: Госполитиздат, 1956. 898 с.
4. Гармонический человек: из истории о гармонически развитой личности: сб. ст. / сост. П. С. Трофимов. М.: Искусство, 1965. 322 с.
5. Гудкова Н. Н. Идеал образованного человека как культурно-исторический феномен: автореф. ... дис. канд. филос. наук. Тюмень, 2006. 21 с.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; общ. ред. и вступ. статья А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с. (Филос. наследие).
7. Иванченко Г. В. Идея совершенства в психологии и культуре: монография. М.: Смысл, 2007. 255 с.
8. Марру А.-И. История воспитания в Античности (Греция): монография / пер. с фр. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. 431 с.
9. Марцинковская Т. Д. История возрастной психологии. М.: Гардарики, 2004. 288 с.
10. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 2 / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; вст. ст. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1970. 611 с.
11. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3, ч. 1 / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. 687 с.
12. Платон. Диалоги: сб. / пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Тонштейн; сост., ред., вступ. ст. А. Ф. Лосева; прим. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1986. 607 с.
13. Помогайбин В. Н. История психологии: эволюция основ: монография. М.: Олма Медиа Групп, 2013. 520 с.
14. Робинсон Д. Н. Интеллектуальная история психологии: монография / пер. с англ. М.: Ин-т теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.
15. Рожанский И. Д. Анаксагор. У истоков античной науки: монография. М.: Наука, 1972. 320 с.
16. Рыжов Б. Н. Системная психология: монография. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.

17. Рыжов Б. Н. История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
18. Скобелева В. А. Эволюция представлений о душе в культуре Древней Греции: дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 2008. 130 с.
19. Стадничук Б. Сократ: учитель, философ, воин: монография. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 256 с.
20. Хейстад У. М. История души от Античности до современности: монография / пер. с норвеж. М.: Текст, 2019. 477 с.
21. Шабельников В. К. История психологии. Психология души. М.: Академический Проект; Мир, 2011. 391 с.
22. Ярошевский М. Г. История психологии: монография. М.: Мысль, 1966. 565 с.
23. Brickhouse T. C., Smith N. D. Socratic moral psychology: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 276 p.
24. Gerson L. P. Rational Souls // Plato's moral psychology: the International Plato society U. S. regional meeting. Ann Arbor: University of Michigan. 2012. P. 19.
25. Mackenzie M. M. Plato's moral theory // Journal of Medical Ethics. 1985. Vol. 11. P. 88–91.

References

1. Bazunov B. A. Bogi stadionov E'llady': monografiya [Gods of the stadiums of Hellas: monograph]. M.: Terra-Sport, 2002. 256 p.
2. Bobrov E. A. Psixologicheskie vozzreniya drevnix grecheskix filosofov (1910) [Psychological views of ancient Greek philosophers (1910)]. M.: Librokom, 2012. 80 p.
3. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 2: [Istoriya pervoby'tnogo obshhestva i drevnego mira do IV-V vv. n. e'.] [World history: in 10 vols. Vol. 2: [History of primitive society and the ancient world until the 4th–5th centuries A. C.]] / pod red. S. L. Utchenko i dr. M.: Gospolitizdat, 1956. 898 p.
4. Garmonicheskij chelovek: iz istorii o garmonicheski razvitoj lichnosti: sbornik statej [Harmonious man: from the history of a harmoniously developed personality: collection of articles] / sost. P. S. Trofimov. M.: Iskusstvo, 1965. 322 p.
5. Gudkova N. N. Ideal obrazovannogo cheloveka kak kul'turno-istoricheskij fenomen: avtoref. ...dis. kand. filosof. nauk [The ideal of an educated person as a cultural and historical phenomenon: author. ... dis. of the candidate of philosophical sciences]. Tyumen', 2006. 21 p.
6. Diogen Lae'rtskij. O zhizni, ucheniyax i izrecheniyax znamenity'x filosofov [Diogenes Laertes. On the life, teachings and sayings of famous philosophers] / AN SSSR, In-t filosofii; obshh. red. i vstupit. stat'ya A. F. Loseva. M.: My'sl', 1979. 620 p. (Filos. nasledie).
7. Ivanchenko G. V. Ideya sovershenstva v psixologii i kul'ture: monografiya [Idea of perfection in psychology and culture: monograph]. M.: Smy'sl, 2007. 255 p.
8. Marru A.-I. Istoriya vospitaniya v Antichnosti (Greciya): monografiya [History of education in Antiquity (Greece): monograph]. M.: «Greko-latinskij kabinet» Yu. A. Shichalina, 1998. 431 p.
9. Marcinkovskaya T. D. Istoriya vozrastnoj psixologii [History of developmental psychology]. M.: Gardariki, 2004. 288 p.
10. Platon. Sochineniya: v 3 t. T. 2 [Plato. Works: in 3 vols. Vol. 2] / per. s drevnegrech.; pod obshh. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa; vst.st. A. F. Loseva. M.: My'sl', 1970. 611 p.
11. Platon. Sochineniya: v 3 t. T. 3, ch. 1 [Plato. Works: in 3 volumes. Vol. 3, part 1] / per. s drevnegrech.; pod obshh. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa. M.: My'sl', 1971. 687 p.
12. Platon. Dialogi: sb. [Plato. Dialogues: collection] / per. s drevnegrech. S.Ya. Shejnman-Tonshtejn; sost., red., vst.st. A. F. Loseva; prim. A. A. Taxo-Godi. M.: My'sl', 1986. 607 p.
13. Pomogajbin V. N. Istoriya psixologii: e'voljuciya osnov: monografiya [History of psychology: the evolution of the foundations: a monograph]. M.: Olma Media Grupp, 2013. 520 p.
14. Robinson D. N. Intellektual'naya istoriya psixologii: monografiya [Intellectual history of psychology: monograph]. M.: In-t teologii i istorii sv. Fomy', 2005. 568 p.
15. Rozhanskij I. D. Anaksagor. U istokov antichnoj nauki: monografiya [Anaxagoras. At the origins of ancient science: monograph]. M.: Nauka, 1972. 320 p.
16. Ry'zhov B. N. Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. M.: T8 Izdatel'skie Texnologii, 2017. 356 p.

17. Ry`zhov B. N. Istorija psixologicheskoy my`slj. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Ways and patterns]. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
18. Skobeleva V. A. E`voljucija predstavlenij o dushe v kul`ture Drevnej Grecii: dis. ...kand. kul`turologii [The evolution of ideas about the soul in the culture of Ancient Greece: dis. ... candidate of cultural sciences]. Nizhnevartovsk, 2008. 130 p.
19. Stadnichuk B. Sokrat: uchitel`, filosof, vojn: monografiya [Socrates: teacher, philosopher, warrior: monograph]. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 256 p.
20. Xyojstad U. M. Istorija dushi ot Antichnosti do sovremennosti: monografiya [History of the soul from Antiquity to the present: monograph]. M.: Tekst, 2019. 477 p.
21. Shabel`nikov V. K. Istorija psixologii. Psixologiya dushi [History of psychology. Psychology of the soul]. M.: Akademicheskij Proekt; Mir, 2011. 391 p.
22. Yaroshevskij M. G. Istorija psixologii: monografiya [History of psychology: monograph]. M.: My`sl`, 1966. 565 p.
23. Brickhouse T. C., Smith N. D. Socratic moral psychology: monograph. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 276 p.
24. Gerson L. P. Rational Souls // Plato's moral psychology: the International Plato society U. S. regional meeting. Ann Arbor: University of Michigan. 2012. P. 19.
25. Mackenzie M. M. Plato's moral theory // Journal of Medical Ethics. 1985. Vol. 11. P. 88–91.